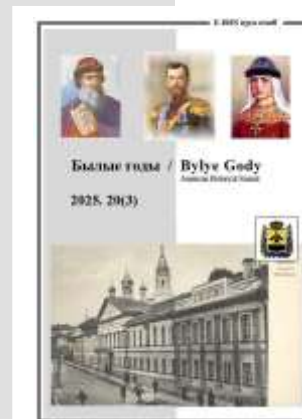

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(3): 1320-1332
DOI: 10.13187/bg.2025.3.1320

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Tax Policy in the Kokand Khanate (second half of the 19th century)

Farida T. Baitova ^{a, *}, Jeenbek B. Alymbaev ^b, Elida A. Tolobaeva ^c

^a Kyrgyz State Academy of Physical Culture and Sports named after B. T. Turusbekov, Bishkek, Kyrgyz Republic

^b Kyrgyz-Turkish Manas University, Bishkek, Kyrgyz Republic

^c Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Bishkek, Kyrgyz Republic

Abstract

This article is dedicated to analyzing the tax policy of the Kokand Khanate in the second half of the 19th century – a period marked by internal instability and increased feudal fragmentation. The focus is on the characteristics of taxation, mechanisms for tax collection, and their impact on the socio-economic conditions of the Khanate's population. The tax system of the Khanate included both Islamic taxes (ushr – a tithe on the harvest, and zyakat – a wealth tax) and secular levies, including tributes, emergency duties, and taxes on artisans and merchants. A significant portion of taxes was collected in kind. Meanwhile, the centralized financial system was underdeveloped, and local administrators – beys and governors played a key role in tax collection, which fostered corruption and abuse. The increased tax burden, driven by constant military campaigns, the maintenance of the Khan's army, and efforts to tighten control over regions, led to growing social tension, peasant flight, and the decline of productive relations. Based on the analysis of archival documents, historical chronicles, and contemporary memoirs, the article reveals the causes of the tax system's crisis and its role in weakening the statehood of the Kokand Khanate. Particular attention is paid to the positive role of the Russian Empire, whose intervention helped organize tax administration, reduce local abuses, and gradually transition to more rational and sustainable forms of governance. This work contributes to a deeper understanding of the socio-economic processes in Central Asia on the eve of its integration into the Russian Empire.

The primary objective of this article is to examine the structure of the Kokand Khanate's tax system in the latter half of the 19th century, identify its characteristics and dynamics of change, as well as assess the influence of tax policy on the development of society and the economy. The main research method is the comparative-historical approach, which allows for synthesizing information from various sources regarding tax policy in the Kokand Khanate.

Keywords: Kokand Khanate, tax policy, taxation, ushr, zyakat, tributes, fiscal system, Central Asia, Russian Empire, administrative governance.

1. Введение

История налоговой системы Кокандского ханства во второй половине XIX века представляет собой важную часть изучения социально-экономических и политических процессов на территории Ферганской долины. Налоговая политика ханства оказывала глубокое влияние на формирование хозяйственных отношений, структуру общества, а также на внутреннюю стабильность и внешние связи государства. Несмотря на наличие ряда фундаментальных исследований, многие аспекты фискальной политики Кокандского ханства всё ещё требуют дополнительного осмысления и

* Corresponding author

E-mail addresses: baitova_farida@mail.ru (F.T. Baitova),
jeenbek.alymbaev@manas.edu.kg (Zh.B. Alymbaev), tolobaeva_elida@mail.ru (E.A. Tolobaeva)

систематизации. Особенно это касается особенностей налогообложения кочевого и оседлого населения, специфики натуральных и денежных сборов, а также роли налоговой политики в процессе перехода киргизов и других народов региона к оседлому образу жизни.

Начиная с середины XIX века, Кокандское ханство переживало сложные внутренние преобразования, сопровождающиеся усилением налогового давления на население. Сложная система налогов и повинностей включала как традиционные исламские налоги (закят, харадж, ушр), так и местные формы сборов, обусловленные особенностями экономики и административного устройства ханства. Установление танапных налогов с земледельцев, зекета с кочевников, различных сборов за пользование базарами, водными источниками, за транспортировку и торговлю свидетельствует о стремлении центральной власти максимально мобилизовать ресурсы в условиях внешних угроз и внутренней нестабильности.

При этом налоговая политика ханства носила выраженный сословный характер. Привилегированные группы населения, такие как сыпайлар, садат, сеиды, хаджи и религиозные деятели, могли получать льготы или полное освобождение от ряда налогов, что усиливало социальное расслоение и порождало недовольство в среде рядового населения. Как показывают архивные документы, отдельные категории земель получали вакуфный статус, что также влияло на перераспределение налоговых обязанностей.

Одновременно наблюдалось постепенное изменение характера хозяйствования среди киргизского населения Ферганы. Если ранее кочевничество являлось важнейшей формой экономической активности, то к концу XIX века, по наблюдению В. Наливкина, большинство киргизов уже владели возделанными и орошаемыми земельными участками, что свидетельствовало о переходе к оседлости. Это обстоятельство не только трансформировало социально-экономический облик региона, но и значительно повлияло на механизм налогообложения.

В настоящем исследовании основной задачей является рассмотрение структуры налоговой системы Кокандского ханства во второй половине XIX века, выявление её особенностей, динамики изменений, а также влияния налоговой политики на развитие общества и экономики. Особое внимание уделяется анализу архивных источников, в том числе материалов, найденных в Кокандском и Хивинском ханствах, а также обобщению данных отечественных и зарубежных востоковедов.

Таким образом, рассмотрение налоговой политики Кокандского ханства во второй половине XIX века не только дополняет картину внутреннего развития ханства, но и позволяет по-новому оценить причины его ослабления в преддверии вхождения в состав Российской империи.

2. Материалы и методы

2.1. При написании статьи авторы опирались на разнообразные опубликованные источники, среди которых ключевую роль играют документы, хранящиеся в фондах Национального архива Республики Узбекистан (НА РУз) (Ташкент, Республика Узбекистан). Они содержат сведения о системе налогообложения в Кокандском ханстве. Важные материалы по вопросам налогообложения в Кокандском ханстве содержатся, в частности, в фонде И-715, опись 1, единица хранения 11, 1850 год, под названием «Материалы, посвящённые истории завоевания Туркестанского края», содержат сведения о разграблении двадцати аулов, осуществлённом в текущем году в связи с отказом их жителей от уплаты зякета кокандскому хану. Данный инцидент отражает экономическое и политическое давление, применявшееся со стороны кокандской власти. Это, в свою очередь, свидетельствует о напряжённых отношениях между властью и жителями региона. Обязательная уплата зякета, подкреплённая угрозой насилия, служила инструментом не только для сбора средств, но и для демонстрации власти над местным населением. Разграбление двадцати аулов в ответ на отказ от уплаты подчёркивает систематическое использование экономического принуждения как средства укрепления политического контроля в регионе. Такие действия отражают характерные черты политики времени, направленной на эксплуатацию ресурсов и подавление сопротивления народов, что в дальнейшем оказывало влияние на исторические процессы в Туркестанском крае.

В фонде И-1, где представлен «Список налогов и поборов, введенных Худояр-ханом в Кокандских владениях» (НА РУз. Ф. И-1. Оп. 34. Д. 2430. Л. 63об.-65), а также сведения о Наманганском крае, представленные Ахмед Ходжей 3 мая 1871 года (НА РУз. Ф. И-1. Оп. 34. Д. 122. Л. 6-9об.), включают информацию о различных видах налогов. Особое внимание уделено воинскому налогу, который характеризуется как наиболее обременительный среди представленных видов фискальных сборов. В донесении заведующего дипломатической частью канцелярии Туркестанского генерал-губернатора Н.П. Стремоухова к К.П. Кауфману от 31 июля 1873 года (НА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 196) указывается на значительное налоговое бремя, наложенное Худояр-ханом на население. Сообщается, что торговые лавки на базарах находились в откупе у хана, а с товаров и съестных припасов взимались высокие налоги. Кроме того, даже сбор колючек, используемых в качестве топлива, облагался поборами, что вызывало значительные трудности для местных жителей. Лишь самые малоимущие слои населения могли рассчитывать на отсутствие фискального давления со стороны властей.

В 1876 году документы из архива кокандских ханов были собраны и переданы А.Л. Куном в Санкт-Петербургскую публичную библиотеку, где они оставались без движения в течение почти 75 лет (Плоских, 2015: 52). Систематический анализ и изучение этих материалов начались только в 1952 году под руководством А.Л. Троицкой. После проведения реставрационных работ и составления описания, архив в 1962 году был передан на постоянное хранение в Центральный государственный архив Узбекской ССР (ныне – НА РУз).

Начиная с 1955 года, А.Л. Троицкая опубликовала предварительный обзор и ряд содержательных статей, основанных на материалах архива. Впоследствии ею был выпущен полный каталог документов, а также часть материалов, представленных в факсимиле и переводах (Троицкая, 1968).

В архиве довольно полно раскрывают характер земельных отношений и налоговой политики ханов. Жалованные грамоты, распоряжение ханов, беков и других официальных лиц (васика, иноят-наме, мубарак-наме, патта), отчётные записи налоговосборщиков (дефтеров), всевозможные донесения и отписки позволяют составить яркое представление о хозяйственной жизни ханских уделов, налогообложении в Кокандском ханстве (Троицкая, 1968).

Основным источником для изучения налоговой политики Кокандского ханства во второй половине XIX века стали архивные материалы фонда 1043 Национального архива Республики Узбекистан. В состав фонда входят документы, составленные преимущественно на фарси и тюркских языках, отражающие процессы взимания основных налогов – танапа, хараджа, зекета, а также содержащие сведения о внеочередных сборах и ярлыках, предоставлявших налоговые льготы. Материалы фонда фиксируют особенности налогообложения оседлого и кочевого населения, административные процедуры расчёта и сбора налогов, а также практику освобождения от налогов отдельных категорий лиц. Комплексный анализ этих документов позволил выявить эволюцию налоговой системы Кокандского ханства и её влияние на социально-экономические процессы в регионе.

Детальные описания налогов и пошлин представлены в периодических изданиях, таких как «Туркестанские ведомости», «Записки Императорского Русского Географического Общества», «Военное обозрение», «Военный сборник» и других. В материалах указанных изданий содержатся важные сведения о различных типах налогов, которые представляют значительную ценность для изучения данной проблемы.

2.2. Основным методом исследования стал сравнительно-исторический, позволяющий обобщить упоминаемые в различных источниках материалы, содержащие сведения о налоговой политике в Кокандском ханстве. Данный метод дал возможность проследить развитие системы налогообложения и её влияние на социально-экономические отношения в ханстве. Комплексный анализ источников по данной теме позволил определить их научную значимость, исследовательскую ценность и потенциал для дальнейшего изучения вопросов, касающихся истории налоговой системы.

Особое внимание уделялось выявлению взаимосвязей между налоговой политикой и социально-экономическими процессами в Кокандском ханстве, что дало возможность рассмотреть налоговую систему не только как элемент финансовой структуры государства, но и как важный инструмент управления обществом. Анализ источников осуществлялся с учётом их происхождения, целей создания и исторического контекста, что позволило критически осмыслить содержащиеся в них сведения и избежать некритичного переноса данных. Таким образом, междисциплинарный подход, основанный на синтезе методов истории, источниковедения, социологии и правоведения, обеспечил комплексное восприятие налоговой политики как сложного историко-социального феномена, сыгравшего ключевую роль в эволюции политической и экономической структуры Кокандского ханства.

Наряду с этим был применён хронологический метод, обеспечивший последовательное расположение событий и этапов формирования налоговой политики. Использование хронологического подхода позволило более полно отразить динамику изменений налоговой нагрузки, а также выявить основные тенденции в фискальной политике в зависимости от внутреннеполитических и внешнеэкономических факторов.

Большой массив анализируемых источников свидетельствует о сложной и многослойной природе налоговой системы, охватывающей различные аспекты взаимодействия населения, административных структур и соседних территорий. Путём сопоставления данных материалов предпринята попытка восполнить существующие пробелы в изучении налоговой политики Кокандского ханства. Комплексное изучение ретроспективы событий позволило выявить ряд ранее неочевидных закономерностей, включая динамику изменения налогового бремени, особенности налогообложения кочевого и оседлого населения, а также влияние фискальной политики на политико-экономическую стабильность ханства.

3. Обсуждение

Вопрос налоговой политики в рамках исторических исследований не относится к числу детально и глубоко изученных тем. В настоящее время отсутствуют обобщающие монографические исследования по данной теме. Более того, этот вопрос зачастую рассматривался в контексте острых политических обстоятельств.

При анализе проблемы с учётом времени публикации трудов было выделено три периода: дореволюционный, советский и постсоветский.

Историческая литература дореволюционного периода, посвящённая вопросам налогообложения в Кокандском ханстве, главным образом принадлежит российским учёным и путешественникам. Вопросы налогообложения нашли своё отражение преимущественно в путевых записках, мемуарах служащих и отчётах государственных деятелей, которые посещали этот регион и описывали особенности налоговой и податной систем ханства. Ф. Назаров ([Назаров, 1968](#)) и Н.И. Потанин ([Потанин, 1856](#)), посетившие Коканд в первой трети XIX века, отмечали отсутствие регулярной системы налогообложения, за исключением торговых пошлин.

Однако путешественники, исследовавшие регион во второй половине XIX века, фиксировали уже установленные налоговые ставки, дифференцированные для различных социальных групп населения.

В 50-70-х годах XIX века были изданы работы А.П. Хорошхина ([Хорошхин, 1876](#)), А. Куна ([Кун, 1876](#)), А.П. Федченко ([Федченко, 1873](#)), Н.Н. Пантусова ([Пантусов, 1876](#)) и других исследователей, посвящённые изучению истории Кокандского ханства. В своих трудах российские авторы преимущественно сосредоточились на анализе внутривластной жизни ханства и политических конфликтов между оседлыми и кочевыми племенами. Кроме того, были исследованы вопросы, связанные с налоговой политикой хана, включая её особенности, структуру и влияние на социально-экономические процессы в государстве.

Харадж представлял собой основную часть земельного налога, предназначенную для финансирования содержания армии, обслуживающего персонала ханства и семьи хана. А.П. Хорошхин в своих трудах указывал следующее о данном налоге: «Все пошлины и налоги, без исключения, поступают в казну хана. На них содержится двор, войска и на них относятся все вообще расходы» ([Хорошхин, 1876: 45](#)).

Известный востоковед А.Л. Кун исследовал историю Кокандского ханства, охватывающую период, начиная с 1830 года. В труде «Материалы по истории русских владений в Средней Азии» ([Кун, 1880](#)) подробно анализируется борьба за ханский трон между кочевым и оседлым населением, а также приводятся данные о численности населения ханства и особенностях его налоговой системы. Автор, анализируя систему налогообложения и податей в Кокандском ханстве, приводит следующие данные: с учётом дополнительных сборов, включая пошлину на соль и арендную плату за переправу через реку Сырдарью, общий объём доходов ханства составил около 2,5 миллиона рублей ([Кун, 1976a: 442](#)). Согласно исследованиям российского учёного А. Куна, в Кокандском ханстве существовали такие официальные налоги, как дань, закят, общие налоги, торговый сбор, налог за взвешивание, речной налог и сбор на соль ([Кун, 1976a: 439-440](#)).

Один из первых исследователей истории Кокандского ханства В. Наливкин вполне обоснованно связывал вовлечение киргизских скотоводов в земледелие с экономическими потребностями: «Со временем невозможность удовлетворения даже самых основных потребностей жизни за счет одного скотоводства заставила всех почти киргизов завести у себя запашки, частью в среднем поясе долины, а главным образом в окружающих ее горах» ([Наливкин, 1886: 39](#)). Как указывает В. Наливкин, «между киргизами Ферганской области не имеют посевов те только бедняки, которые не успели своевременно приобрести частной поземельной собственности в виде возделанных и искусственно орошенных полей» ([Наливкин, 1886: 39](#)).

Ко второй половине XIX века киргизское население Ферганской долины в значительной степени утратило традиционный кочевой уклад, перейдя к оседлому образу жизни. Кочевое хозяйство, характерное для более ранних этапов их истории, уступило место оседлому земледелию, что, в свою очередь, определяло новые формы социально-экономических отношений и налоговых обязательств в рамках Кокандского ханства и последующего периода российской администрации.

В целом оборот денег в Кокандском ханстве был очень незначителен и, соответственно, ещё меньшим среди киргизов. В одной из своих статей В.П. Наливкин писал, что в ханстве преимущественный счёт шёл на чеки (1/2 коп. серебром) – наиболее распространённый среди простых людей; счёт на танга (20 коп. серебром) – у остальных сословий. Хождение тилла (золотой монеты, равной 3 руб. 80 коп. серебром) встречалось лишь как редкое исключение ([Наливкин, 1897: 217](#)).

Работы таких исследователей, как Р.Н. Набиев ([Набиев, 1973](#)), А.Х. Хасанов ([Хасанов, 1977](#)), К.У. Усенбаев ([Усенбаев, 1961](#)) и других, существенно углубили изучение политической истории Кокандского ханства, его взаимоотношения с соседними народами, включая киргизов. Кроме того, труды этих авторов позволили более полно и всесторонне рассмотреть вопросы, связанные с введением налогов и сборов Худояр-ханом, а также осветить проблемы, ранее лишь обозначенные их предшественниками.

В исследовании А.Х. Хасанова анализируются вопросы социально-экономического противостояния и народно-освободительного движения в Кыргызстане против господства Кокандского ханства в 30-70-е годы XIX века. Особое внимание уделяется восстанию киргизского и узбекского народов в 1875–1876 годах. Кроме того, автор описывает жестокость и произвол, проявлявшиеся со стороны кокандских сборщиков налогов. На основе архивных источников он отмечает, что «бесчинства и жестокость кокандских сборщиков налогов в 50-60-х годах XIX века

вызывали острую ненависть народных масс киргизов, кипчаков, узбеков и таджиков к кокандскому хану Худояру» (Хасанов, 1977: 36). Таким образом, внутренняя политика Кокандского ханства способствовала возникновению социально-экономической нестабильности среди его населения.

К.У. Усенбаев, анализируя социально-экономическое положение киргизов в период Кокандского ханства, уделил особое внимание исследованию системы налогов и поборов, рост которых из года в год существенно ухудшал экономическое положение населения. Как утверждает автор, это обстоятельство объясняет тяжёлое положение киргизов в рассматриваемый период. Согласно исследованиям К.У. Усенбаева, «заякет взимался не только со скота, который имелся в наличии, но, в отдельных случаях, и с поголовья, погибшего в результате джута» (Усенбаев, 1961: 22). Этот факт свидетельствует о высокой степени обязательности данного налога.

К числу учёных, исследующих общественно-политическую историю Кокандского ханства, в частности налоговую политику в постсоветский период, относятся Х.Н. Бабабеков (Бабабеков, 1990), Т. Кененсариев (Кененсариев, 1997), В.М. Плоских (Плоских, 2015), Ж.Б. Алымбаев (Алымбаев, 2015) и другие.

В монографии Х.Н. Бабабекова впервые представлено обобщающее исследование известных восстаний, произошедших на территории Кокандского ханства. Особое внимание уделяется восстанию 1873-1876 годов, которое стало кульминацией социального и экономического кризиса в ханстве. Автор анализирует влияние жестокой налоговой политики, проводимой ханской администрацией, которая выступала одним из ключевых факторов, способствующих возникновению протестных движений (Бабабеков, 1990).

Профессор Т. Кененсариев в своих исследованиях подчёркивал, что налоговая система Кокандского ханства представляла собой сложный многоуровневый механизм, в котором традиционные принципы шариата тесно переплетались с местными особенностями хозяйственно-социальной жизни региона. По его мнению, фискальная политика ханства выполняла двойную задачу: с одной стороны, обеспечивала централизованное поступление средств в казну для поддержания военной и административной мощи государства, а с другой – отражала социальное неравенство и усиливала сословные различия. Также он указывал на то, что налоговые сборы варьировались в зависимости от типа хозяйственной деятельности и статуса племенных и городских сообществ. Так, например, сборы с оседлого населения, владевшего возделанными и искусственно орошаемыми полями, существенно отличались от налогов, взимаемых с кочевых общин. Он отмечал, что такая дифференциация не только позволяла ханской администрации мобилизовывать необходимые ресурсы, но и способствовала укреплению централизованной власти за счёт лиц, имевших прямой интерес в сохранении порядка и стабильности.

Кроме того, профессор Т. Кененсариев обращал внимание на то, что фискальная система ханства имела ярко выраженный характер принудительного перераспределения, что порождало социальные противоречия. По его словам, чрезмерное налоговое бремя и сложные процедуры его сбора стали одной из причин нарастания народного недовольства, что в долгосрочной перспективе способствовало ослаблению государственного аппарата Кокандского ханства (Кененсариев, 1997: 25-37).

Таким образом, анализ, проведённый профессором Т. Кененсариевым, демонстрирует, что налоговая политика в Кокандском ханстве была не только инструментом экономического управления, но и важным социально-политическим элементом, влияющим на устойчивость и развитие государства.

В своих исследованиях академик В.М. Плоских утверждал: «В ханстве была классифицирована и регламентирована (теоретически) налоговая система, базировавшаяся на шариате. Эту систему ханы положили в основу угнетения как собственно кокандского, главным образом, узбекского и таджикского населения, так и завоеванных соседей, в том числе киргизов. Практика же налогообложения нередко представляла совсем иную картину – картину хаотической бесконтрольности. И чем беднее и беспомощнее было население, тем больше испытывало социальное, а киргизское – к тому же и национальное угнетение. В Кокандском ханстве, равно как и любом восточноазиатском государстве, не существовало разграничения понятий политического верховенства власти и верховного собственника земель – оба эти понятия сосредоточивались в одном лице, у одного носителя – хана. Государственная власть была всемогуща и казалась в глазах подданных абсолютной и безграничной, тем более что простые люди все время находились в чьей-то зависимости – общины, феодала, ханского наместника, хана» (Плоских, 2015: 375-376).

Итак, академик В.М. Плоских в своём исследовании обращает внимание на противоречие между теоретическим устройством налоговой системы в Кокандском ханстве и реальной практикой её применения. Несмотря на то, что налогообложение официально опиралось на нормы шариата, на деле оно носило хаотичный и произвольный характер, усиливая социальное и национальное угнетение, особенно по отношению к беднейшим слоям населения и покорённым народам, включая киргизов. Особо подчёркивается, что в Кокандском ханстве власть и собственность на землю были сосредоточены в руках хана, что укрепляло деспотический характер государства и усиливало зависимость подданных.

Далее В.М. Плоских отмечает: «Также говоря о налогах и земельной ренте в Кокандском ханстве и киргизском обществе до присоединения к великой России, можно заключить, что именно они являлись основным стержнем, определяющим экономические отношения и классовую борьбу. Рентные отношения имели всеобщий характер, выражали суть феодального способа производства. Именно земельная рента явилась господствующей формой присвоения прибавочного, а иногда и необходимого продукта в сельском хозяйстве. Отсутствие отработочной ренты типа барщины, но с наличием трудовой повинности – одна из специфических особенностей Кокандского ханства и киргизского общества. Господство натуральной, продуктовой ренты и появление элементов денежной ренты как превращенной формы натуральной отнюдь не способствовали прогрессу производства. Система налогов, разветвленная и беспорядочная, являлась в этих условиях не чем иным, как централизованной формой феодальной ренты. Такой характер ренты, присущий в целом феодальному обществу, нашел свое выражение и в системе земельных отношений, в налоговой системе киргизского общества, Кокандского ханства» (Плоских, 2015: 408-409).

С позиций В.М. Плоских можно согласиться в том, что налоговая система и формы земельной ренты в Кокандском ханстве и киргизском обществе действительно играли ключевую роль в формировании экономических отношений и воспроизводстве феодальной социальной структуры. Однако представляется важным подчеркнуть, что чрезмерная фискальная нагрузка и беспорядочность в системе сбора налогов не только закрепляли феодальную эксплуатацию, но и способствовали стагнации производительных сил, препятствуя складыванию предпосылок к модернизации аграрного сектора. Господство натуральной ренты и слабое развитие товарно-денежных отношений в условиях изолированности региональной экономики затрудняли трансформацию традиционного общества и сдерживали его интеграцию в более широкие экономические пространства. Таким образом, рентные отношения в Кокандском ханстве не только отражали специфику феодального строя, но и выступали одним из факторов, консервировавших социально-экономическое отставание региона накануне вхождения в состав великой Российской империи.

В своих трудах Ж. Б. Алымбаев детально анализирует роль киргизских биев в системе правления Кокандского ханства, а также его политическую структуру и социально-экономическое развитие. По мнению автора, киргизские предводители занимали ключевое место в политической системе Кокандского ханства. В опубликованной в 2015 году монографии «Кокон хандыгы жана Нузуп минбашы» исследуется история Кокандского ханства и политическая деятельность Нузупа Минбашы – первого киргиза, достигшего высших уровней власти в Кокандском ханстве. Особое внимание уделяется влиянию налоговой политики, проводимой ханской администрацией, на формирование социально-экономических условий (Алымбаев, 2015).

Автор отмечает, что фискальная система ханства не только обеспечивала поступление доходов в казну, но и служила важным инструментом укрепления власти над покорёнными территориями, регулирования отношений между различными социальными группами, а также воздействия на миграционные процессы киргизского населения. Проведённый Ж. Б. Алымбаевым анализ архивных и нарративных источников позволил выявить сложную взаимосвязь между налоговыми механизмами и политической динамикой в Кокандском ханстве.

4. Результаты

Как отмечают большинство исследователей, обострение социально-политических кризисов в период 1842–1876 годов, который рассматривается как третий этап в истории развития Кокандского государства, стало одной из главных причин его падения. В этот период государственное устройство не подверглось полноценной реформе, противоречия между социальными и феодальными сообществами усилились, а феодальное угнетение со стороны центральной власти достигло пика.

Особенно следует отметить, что реформы, проводимые во время третьего правления Худояр-хана в 1866–1875 годах, стали фактором, способствовавшим возникновению народных восстаний. По сообщению члена Русского географического общества А. Куна, основной причиной массового недовольства и волнений в Кокандском ханстве стало чрезмерное налоговое бремя, налагаемое на население (Кун, 1876b).

Этнический состав государства постепенно расширялся в результате завоевания ханством новых территорий, а также за счёт переселения и оседания населения в Ферганской долине. Для содержания вооружённых сил, приближённых хана, членов его семьи, а также бекств, управлявших вилайетами, требовались существенные финансовые средства. В условиях стремительно иссякающей казны Худояр-хан начал искать различные способы её пополнения.

Основным средством наполнения государственной казны стало увеличение количества и разнообразия налогов и сборов, взимаемых с населения. Не удовлетворяясь налогами, установленными шариатом и адатом, Худояр-хан ежегодно придумывал новые виды обложений, постоянно расширяя и совершенствуя налоговую систему. Особо известен в этом отношении Иса Олуя, бывший бием Шариханского вилайета, который, входя в число доверенных и приближённых лиц хана, настолько отличился изобретением новых налогов, что даже сам Худояр-хан выражал удивление его находчивостью (Наливкин, 1886: 205-208).

Очевидно, что постоянное расширение налоговой системы в период правления Худояр-хана не только отражало стремление к укреплению финансовой базы государства, но и являлось проявлением усиления фискального давления на население. Налоги, выходявшие за рамки норм шариата и адата, подрывали легитимность власти в глазах подданных и усиливали социальное напряжение. В данном контексте фигура Исы Олуи представляется не просто примером исполнительного администратора, но символом бюрократического произвола, при котором налогообложение превращалось в инструмент личного обогащения и политического манипулирования. Таким образом, чрезмерное и произвольное налоговое бремя стало одним из факторов дестабилизации ханской власти, подрывая её опору среди народных масс.

Анализ исторических источников позволяет разделить налоги, взимаемые во второй половине XIX века в Кокандском ханстве с кочевого, полукочевого и оседлого населения, на две основные группы: официальные и неофициальные налоги. К числу официальных налогов, установленных нормами шариата, относились харадж, танап и закят. Харадж представлял собой натуральный налог с полевых посевов; танап (в денежной или натуральной форме) взимался с садово-огородной продукции; закят – это процентный сбор с торговых товаров и скота, своего рода религиозный налог на имущество.

По хараджу взималась одна пятая часть урожая с орошаемых земель, а с льяльми – богарных (неорошаемых) земель, питающихся дождевой влагой, – одна десятая часть (Пантусов, 1876b). В городе Коканд и его окрестностях льяльми-земли практически отсутствовали. Подобные участки встречались преимущественно в горных районах, на предгорьях, а также в пригородных зонах таких городов, как Сох, Наманган, Андижан, Ош, Маргилан и Араван.

Харадж – натуральный налог, взимавшийся в размере одной пятой части урожая, собирался с таких сельскохозяйственных культур, как пшеница, рис, кукуруза, кунжут, лён, морковь и лук, посеянных после сбора летнего урожая пшеницы и ячменя, а также с табака, проса, нута и сорго (Пантусов, 1876a).

Налог харадж взимался и с урожая хлопчатника. Поскольку коробочки хлопка не раскрывались одновременно, сбор налога с деревень, расположенных в окрестностях Коканда, проводился летом два-три раза, а в районах, прилегающих к Худжанду, – один или два раза. С последнего сбора хлопка удерживалась одна десятая часть урожая в виде налога.

Харадж взимался в натуральной форме после сбора урожая и предназначался для обеспечения продовольствием войск. Ответственными за сбор хараджа и танапа были мырза-баши и сыпай. Они доставляли собранный урожай в ханскую казну. В качестве вознаграждения за свою службу они получали ежегодное жалованье в размере от 6 до 15 таньга в зависимости от своих званий и доходов казны (Пантусов, 1876a).

Харадж собирался с десятков деревень (хасалык-кыштак), сгруппированных в две инаки, каждая из которых включала от 40 до 50 деревень (Пантусов, 1876a). Эти инаки обеспечивали продовольствием сотрудников ханского дворца и ханские войска. Отчёт о расходах предоставлялся непосредственно хану.

Способы сбора налогов были различными: в одних местах сбор осуществлялся специально назначенными лицами от хана и беков, в других – вся налоговая прибыль сдавалась в аренду, причём арендная система применялась предпочтительнее (Кун, 1876a: 440). Порядок поступления налогов делился на два вида: «хасаги» и «бийлик». В первом случае собранные доходы направлялись непосредственно в ханскую казну, во втором – в казну бекств.

Танап (земельный) налог взимался с овощей, фруктов и различных садов, посаженных на землях. Платежи по танап-налогу были обязательными для всех участков земли, и для Ферганской долины был установлен определённый размер налога. Танап – это шерги (законная) единица, равная 3600 квадратным гезям. Гезь шерги (законная, определённая шариатом) была определена следующим образом: палку брали, измеряли её семь раз кулаком, а затем, отмерив седьмым кулаком, поднимали палец выше, и из этого определения измеряли (гефть кабзы у бир камма), при этом бохбо гезь считалось законной шерги.

Размеры налогов с земель (танапы) определялись раз в три года муфтиями и ханскими мырзами. Результаты измерений заносились в списки (дефтера) и передавались в ханскую казну. Информация о всех собираемых танапах хранилась у местных аминов и казиёв, а также в казне хана. Согласно утверждённым спискам, в месяцы цветения деревьев и виноградников, в летнее время, мырзами и сыпаями хана проводился сбор танап-налога. Сборы с овощных садов (кора, огурцы, дыни, тыквы) составляли 5 тэнге (1 рубль), с фруктовых садов (дарахты миведар) – 10 тэнге (2 рубля), с терековых зарослей и сосновых лесов (чекаляк) – 50 тэнге, с тытовых зарослей – 5 тэнге (1 рубль), с виноградников – 10 тэнге (2 рубля), а с овощных садов, посаженных весной (лук и морковь) – 5 тэнге (1 рубль) (Пантусов, 1876a).

Сеиды, хаджи, служители (садат), а также военное сословие (сипай и солдаты) обладали правом на освобождение или снижение налогов на танап и харадж, либо на полное освобождение от них, а также на привилегии (дархан или чытык). Архивные материалы содержат сведения о том, что Мусульманкул, тысячник, был освобождён от налогов харадж, танап, никахана и тарикана, а его

земли получили статус вакфа. «В настоящее время, да будет известно и ведомо благочестивым казиям, высокопоставленным правителям, абсолютно всем, кто имеет касательство к государственным делам и ответственным лицам, что в это благоденствующее время старый доброжелатель Мусульманкул-минг-баши, построив медресе в городе Андижане, для благоустройства сделал ему вакф два арыка в местности Найман-кишлак, вместе с их землями, границы которых обозначены. Поэтому, мы, оказав свои царственные милости в отношении вышеупомянутого, осуществляя высочайшее соизволение сделали его возвышенным, пожаловав в вакф его херадж, танаб, никаханы, тариканы. Ни один человек не должен касаться и вмешиваться в его дела и считать настоящий указ категорическим. 1269 / 1852-1853 гг.» (НА РУз. Ф. 19. Оп. 1. Д. 34221. Л. 7).

Сипай были освобождены от уплаты 3/4 или 2/3 части обязательного танап-налога, в то время как оставшаяся часть, составляющая 1/4 или 1/3 налога, или другие части, были прощены. В последние годы правления Кудаяр-хана с сипаев не взимались налоги с 1 танапа с винограда и с 4 танапов с бобовых, однако с остальных танапов налоги были уплачены ими. Все собранные танап-налоги полностью поступали в казну хана.

В ханской казне хранились все списки танапных налогов. К сожалению, не все архивные материалы сохранились в казне хана, но некоторые из них были обнаружены русскими во время ликвидации ханства.

Один из основных видов налога - зякет - взимался исключительно с товаров и скота, как реализуемых на рынках, так и находящихся на пастбищах. Кочевые общины уплачивали зякет в следующих пропорциях: с баранов – 1/40, с крупного рогатого скота – 1/30, с лошадей – 1/40. В случае, если у плательщика имелось более 40 лошадей, взималась фиксированная ставка в размере 40 копеек. С пяти верблюдов взыскивался зякет в виде одного барана (Пантусов, 1876а).

Ценным источником для изучения экономической истории Кокандского ханства является каталог архивных материалов, опубликованный в 1968 году А.Л. Троицкой в работе «Архив Кокандских ханов XIX века». При анализе архива Хивинских ханов в 1939 году были также найдены архивные материалы, относящиеся к Кокандским ханам, на фарси. Эти архивные материалы содержат интересную статистическую информацию. Например, в некоторых из них приводятся записи из книг, где указаны налоговые сборы, поступившие в казну от Маргаланского бекства и Ошского вилайета:

زکوة جماعه نيمن و بئغه و اورغو و اويغور و طيت و چوچوک پساوالباشی و ملا عبدولی میرزا بر آمده
بیست و نه هزار و هفتصد تنگه

Зекеты обществ (родов) Найман, Буйгу, Уйгур, Тейит и Чучук поступали к Ясаулбаши и Молле Абдували Мирзе (были собраны). Сумма составила двадцать девять тысяч семьсот тенге (НА РУз. Ф. И-1043. Оп. 1. Д. 653).

زکوة ایلاتیه اوش ایشانتوره پانصدباشی و ملا عبدحلیل میرزا باشی کرده آمده
شست و چهار هزار و پانصد تنگه بر زیاده یازده هزار و پانصد تنگه به میرزا باشی رسیده

Зекеты Ошского вилайета были собраны Ишантөрө и Моллой Абдулхалилом Мирзабаши. Всего было собрано шестьдесят четыре тысячи пятьсот тенге. Излишки в одиннадцать тысяч пятьсот тенге были переданы Мирзабаши (НА РУз. Ф. И-1043. Оп. 1. Д. 653).

انچه محصولات دلالی بازار گوشفند ولایت اوش ارونبیک ملا میر عبدالسید دلال باشی
ده هزار تنگه

Это результаты посредничества на овечьем рынке Ошского вилайета. Ормонбек Молламир Абдсейид – главный посредник. Сумма составила десять тысяч тенге.

بتن پل هشت هزار و چارصد و بیست طناب پلش چل و دو هزار و یکصد تنگه
مجموعش مع پل خربزه اوش چل و چار هزار سیصد و پنجاه تنگه
از این جمع بتن خدمت و خوراک طنابکش و پل جین یکهزار یکصد سکه بر آید

Вся сумма составила восемь тысяч четыреста двадцать танабов. Эквивалент в деньгах – сорок две тысячи сто тенге.

Общая сумма, включая Ошский кооператив, составила сорок четыре тысячи триста пятьдесят тенге.

Из этой общей суммы тысячи сто тенге была вычтена на услуги арканщика (производителя верёвок), его питание и сборы (НА РУз. Ф. И-1043. Оп. 1. Д. 653).

Кроме того, существовали неофициальные налоги, установленные по традиции (адат), а в некоторых случаях – по указанию хана или воле губернатора. Это включало налог за торговлю на базарах, плату за использование весов, налог за переход через реки, налог на соль и другие. Также, согласно шариату, за заключение брака брались платежи, принадлежащие казиям. Во времена правления Кудаяр-хана налоги и сборы были тщательно разработаны. Люди также платили сборы за собранные с поля дрова, камыш, кустарники и шипы. Платежи взимались также за использование воды из каналов и горных источников. Избыточное увеличение налогового бремени стало одной из ключевых причин роста недовольства среди населения по отношению к правлению Кудаяр-хана.

В Кокандском ханстве налогообложение распространялось на все слои населения, которое также привлекалось к выполнению трудовых и воинских повинностей. Освобождение от данных

обязательств носило исключительный характер и предоставлялось преимущественно представителям высших слоёв светских и духовных феодалов, а также отдельным мусульманским учреждениям.

Во время военных действий, а также по решению хана или беков, налогоплательщики подвергались дополнительным денежным поборам, размеры которых зачастую достигали значительных величин. В таких условиях нередко происходили злоупотребления: сборщики налогов, действовавшие от имени бека, превышали установленные нормы сбора и выходили за пределы своих полномочий. Аналогичные действия наблюдались на уровне бека и ханского казначея. Хан, в свою очередь, занимался контролем лишь итоговой суммы, которая должна была быть собрана и передана в казну в полном объёме, не вникая в детали процесса сбора.

Таким образом, процесс взимания налогов отличался полной бесконтрольностью. Хотя сама норма зякета была установлена в соответствии с положениями шариата, его сбор осуществлялся без какого-либо надзора или регулирования со стороны административных органов. Сбор зякета в Кокандском ханстве часто принимал форму массового вымогательства и грабежа, направленных на личное обогащение чиновников, так называемых зякетчи. Жестокие действия и насилие, совершаемые ханскими представителями, включая откупщиков, достигали такого масштаба, что регулярно провоцировали восстания кочевников против ханской власти. Эти восстания, как правило, жестоко подавлялись с применением вооружённых сил (Иванов, 1939: 120).

При вассальной административной системе ханства это значило, что в случае урожая все избытки присваивали беки и саркары, а при неурожаях или стихийных бедствиях – с населения в казну взыскивали и необходимый продукт.

Способы взимания налогов отличались разнообразием: в некоторых пунктах сбором занимались назначенные ханом или беками люди, тогда как в других случаях весь процесс сбора передавался в аренду.

Ханские чиновники не получали фиксированного денежного вознаграждения. Вместо этого в их распоряжение направлялась определённая доля собранных податей. Об этом свидетельствует тот факт: «Амины собирали с каждого хирмана в свою пользу по 1 кафсену (равному 1 пуду); кроме того, с базарчей они взымали по одному снопу бида (клевера), а также дрова и топливо» (Пантусов, 1876а). Собиратели аргументировали данные сборы на основании традиции, имеющей длительную историческую основу.

Худояр-хан дополнительно ввёл новые сборы, такие как харадж-ати – с кочевников; карагай-пули – за вывоз леса на базар с гор; отун-пули или чоб-пули – пошлина за топливо (хворост, колючка, камыш и т. п.); даллал-пули – маклерские сделки на базаре; кок-пули – дополнительные сборы за пользование лугами; су-пули – специальный налог за арычную воду, проведённую с гор. Например, сбор маклерских платежей с продажи земель, домов и другой недвижимости ежегодно пополнял ханскую казну на сумму до 40 тысяч тенге (Пантусов, 1876а).

Определяя большое количество налогов и повинностей с местного населения в кокандский период – со скота и с продукта земли, с продаваемых товаров и фруктовых деревьев, выжигаемого на уголь леса и камыша, даже с колючек, хвороста и кизяка, собираемых для топлива, востоковед и туркестанский чиновник А.Л. Кун восклицал: «Оставался, кажется, один только воздух, за право дышать которым не бралось ничего» (Кун, 1876а: 439). В последние годы, когда возможности для введения новых налогов были исчерпаны, был установлен сбор за право пользования водой, направляемой в каналы из горных рек.

Таким образом, ханская казна пополнялась доходами из сборов зякета с товаров и со скота, пошлины с переправы через Сырдарью, пошлины с соли, арендные деньги за лавки, сараи и амбары, маклерские проценты (за совершение свадебных обрядов).

Кокандское ханство в административном плане подразделялось на бекства или округа, которые находились под управлением родственников или сыновей хана. Во времена правления Кудаяр-хана таких административных единиц насчитывалось пятнадцать. Бекства, являвшиеся отдельными административными единицами под руководством серкердэ, ежегодно приносили доходы различного происхождения.

Согласно расчётам А. Куна, общий годовой доход Кокандского ханства составлял 707 550 батманов зерна. Средняя рыночная стоимость одного батмана зерновых варьировалась от 1 рубля 50 копеек до 2 рублей. Перевод натурального налога в денежный эквивалент давал сумму в 1 415 100 рублей. Денежный налог, включавший преобразование натуральных сборов в денежную форму и танашный сбор, составлял 243 222 кокандских тилли. При пересчёте (1 кокандская тилля равна 3 рублям 60 копейкам) это составило 875 559 рублей 20 копеек. Таким образом, общий доход ханства, объединяющий натуральные и денежные налоги, достигал 2 290 699 рублей 20 копеек. Учитывая дополнительно пошлины за соль и арендную плату за переправу через Сырдарью, общий доход составил около 2,5 миллиона рублей (Кун, 1876а: 441-442).

Помимо основных государственных налогов, население вынуждено было затрачивать огромные средства на содержание ханских чиновников, общественные работы и прочее.

После ликвидации Кокандского ханства в 1876 году, как мы уже ранее отметили, в ханском дворце были обнаружены остатки архива, уцелевшие после разграбления дворца кипчаками.

Документы этого архива представляли собой преимущественно свёртки (дефтеры). Они содержали сведения о сборе хараджа и танапа в различных местностях. Всего было найдено около тысячи дефтеров, самые старые из которых датировались не более чем десятью годами назад (Кун, 1876b).

Основной налоговой единицей в кокандское время выступало как отдельное хозяйство, так и община. То есть налогообложение кокандцами скотоводов было индивидуальным, но прибегали и к круговой поруке. Так, если частные скотовладельцы, например, не могли выплатить положенный налог, то невыплаченные деньги, зафиксированные в налоговых дефтерах, каким перекладывал на всю общину, к которой относился недоимщик (Плоских, 2015: 385).

Подати и повинности в пользу киргизских феодалов выражались в самой разнообразной форме и обычно не ограничивались ни сроком, ни количеством, а обуславливались желаниями и прихотью феодалов. В Киргизии в период господства кокандских ханов имели место следующие сборы и повинности в пользу киргизских феодалов: союш, чыгым и салык, журтчулук, кошумчи, конок алуу, саан и куч, туякат и коро башы (чоп ооз или отмай), жол чыгым и другие (Усенбаев, 1961: 142-149).

Натуральные налоги усугублялись тяжестью трудовых повинностей. Хань, беки, да и манашы, бии не прочь были использовать дармовую рабочую силу для создания ирригационной сети на своих землях, при постройке зданий и т. п.

В широких масштабах трудовая повинность осуществлялась при ирригационном строительстве. Также в строительстве караван-сараев, лавок и др. По распоряжению хана рабочие вызывались из разных вилайетов. Например, если с одного вилайета требовалось определённое количество рабочих, то этот вилайет должен был оплатить за своих рабочих. Они вносили по 40 копеек за каждого рабочего (НА РУз. Ф. И-1. Оп. 34. Д. 243а. Л. 13). Деньги, внесённые рабочими, поступали в ханскую казну. Для такой же цели хан решил построить широкие дороги от Маряма до Коканда, от Коканда в Андижан и Маргелан. Также близ местечка Ер-Мячит засеял 1000 чариков 4 тыс. пудов риса (НА РУз. Ф. И-1. Оп. 34. Д. 243а. Л. 13об.). Такие же ханские засеивы были в других местах. Все работы возлагались на жителей. Хан назначал специально чиновников, которые строго следили за рабочими. Если по каким-то причинам работник не явился, его могли арестовать или избить палками. Например, хан, когда проводил канал из Сыра, у местечка Хинд-Куль, около 30 человек не были в состоянии оплатить деньгами и не явились. За это они были зарыты по горло в землю и оставлены в таком положении, пока не умерли (НА РУз. Ф. И-1. Оп. 34. Д. 243а. Л. 13об.-14).

Во время проведения Янги-Арыка в Наманганском вилайете в 1819 году (мастер-ирригатор Илян-бай), каждый дом вилайета был обязан выставлять на 15 дней по одному рабочему с собственным пропитанием и кетменём. Ханским распоряжением привлекались и рабочие из других вилайетов. После Омар-хана, при Мадали и особенно Худояр-хане, трудовая повинность переводилась в денежную компенсацию, взимаемую с каждого двора вилайета. На собранные деньги нанимались подёнщики (Наливкин, 1886: 29). С одной стороны, таким образом, в ханстве без усилий пополнялся фонд орошаемых земель, с другой – часть собранных денег непременно оседала в руках ханских чиновников.

Для получения в аренду или на откуп сбора хараджа обычно подавали прошение хану или беку (образец такой челобитной приводит А. Л. Троицкая из материалов архива кокандских ханов) и получали соответствующее удостоверение или грамоту, а население данного района оповещалось особым указом или извещением, где перечислялось количество зерновых, сданных в аренду или на откуп. «По-видимому, – с полным основанием замечает А. Л. Троицкая, – аренда или откуп в ряде случаев перепродавались несколько раз. Первым откупщиком или арендатором хараджа был саркар или другое доверенное лицо хана или бека, которое в свою очередь сдавало харадж в аренду амлакдару, находившемуся под его контролем» (Троицкая, 1968: 205).

Разновидностью хараджа был танабана, налог, размер которого зависел от типа использования земли. Так, за танаб земли, засаженной тополями и карагачами, взималось по 50 копеек, за виноградники и фруктовые сады – по 2 рубля, а за участки, занятые огородами, бахчевыми культурами, клевером, луком или весенней морковью, налог составлял 1 рубль (Пантусов, 1876b). Харадж, как правило, собирался с «коша» – участка земли, на который засеивалось от трёх до пяти батманов зерна.

Сбором хараджа руководил саркар, назначаемый беком. Для выполнения своих обязанностей он привлекал помощников – мирабов, численность которых определялась исходя из количества участков, находящихся под управлением арык-аксакала. В период весенних сельскохозяйственных работ саркар назначал мирабов на каждый участок, а в сезон уборки урожая к ним добавлялись муллы. Арык-аксакал, мирабы и муллы формировали комиссию, которая занималась составлением списка налогоплательщиков. После проверки списка саркаром, осуществляемой через опрос жителей и арык-аксакалов, он передавался на утверждение беку. По завершении данной процедуры сбор налога осуществлялся строго и беспрекословно.

Большие доходы приносили в казну базарные сборы. Аксакалы-ремесленники платили в ханскую казну дань за каждый цех. Сборы эти производились при торговых сделках с продавцами и покупателями. Так, в ситцевом ряду (раста) за товар общей стоимости 360 рублей продавец и покупатель платили каждый по 1 рублю 40 копеек. Эти сборы в год составляли приблизительно

12 513 рублей. С привезённого в Коканд киргизами из Соха угля собирали по 3 пуль за полный выюк на верблюде. Эти сборы составляли вакф некоторых медресе. Сбор арендной платы за ханские лавки в Коканде, которых насчитывалось 574, в 1874 году составил 7 672 рубля (Пантусов, 1876с).

Таким образом, налоговая политика Кокандского ханства во второй половине XIX века представляла собой сложную и многоуровневую систему, в которой сочетались элементы традиционного шариатского налогообложения и административных практик, характерных для позднесредневековых восточных государств. Сбор налогов осуществлялся как в натуральной, так и в денежной формах, а его организация отражала особенности социально-экономической структуры ханства, специфику оседлого и кочевого населения, а также региональные различия внутри страны.

5. Заключение

Во второй половине XIX века Кокандское ханство оказалось в состоянии хронической политической нестабильности. Частые дворцовые перевороты, династические распри и борьба за трон между различными ветвями ханской семьи привели к разрушению управленческих структур. С приходом к власти каждого нового хана менялись не только ключевые должностные лица, но и подходы к налогообложению. Отсутствие преемственности в фискальной политике делало невозможным планирование доходов и расходов, а также ослабляло централизованный контроль над сбором налогов.

Антикокандское восстание 1873-1876 годов, возглавленное Пулат-ханом, стало мощным выражением протеста против усилившегося налогового давления, коррупции, насилия со стороны местных администраторов и произвола беев. Одним из ключевых лозунгов повстанцев стала борьба против несправедливой системы налогов и поборов. Это указывает на то, что налоговая политика ханства воспринималась народом не как легитимный инструмент государственного функционирования, а как средство обогащения узкой правящей элиты. Массовое участие крестьян и ремесленников в восстании свидетельствует о глубокой социальной неудовлетворённости, связанной, в том числе, с разрушением привычных механизмов экономического выживания.

В условиях частых внешнеполитических угроз, в том числе со стороны Бухарского эмирата, ханы были вынуждены тратить значительные средства на содержание армии, укрепление гарнизонов и покупку лояльности военных лидеров. Эти расходы покрывались за счёт повышения налогов и введения внеплановых поборов, что особенно болезненно воспринималось сельским населением. В условиях аграрной экономики и слабого товарного обращения избыточное налоговое бремя приводило к обнищанию крестьян и сокращению производства.

Из-за ослабления центральной власти реальный контроль за сбором налогов перешёл в руки местных феодалов – беев и наместников, которые нередко устанавливали поборы по собственному усмотрению. В отсутствие чёткой отчётности и правовых механизмов контроля налоговая система приобрела хаотичный и репрессивный характер. Это усилило недоверие населения к ханской власти, подрывало её легитимность и способствовало дальнейшей фрагментации государства.

Вхождение Кокандского ханства в состав Российской империи стало не только геополитическим шагом, но и фактором внутренней стабилизации региона. Российская администрация ввела более разумный и системный подход к налоговому управлению: были упразднены произвольные сборы, введены единые ставки налогообложения и упрощена фискальная отчётность. Это способствовало снижению социальной напряжённости, восстановлению хозяйственной деятельности и росту доверия к государственным институтам.

Таким образом, переход под российскую юрисдикцию оказал положительное влияние на реформирование налоговой системы и общее восстановление порядка.

Литература

- Алымбаев, 2015 – Алымбаев Ж.Б. Кокон хандыгы жана Нүзүп минбашы. Бишкек: Турар, 2015. 240 б.
- Бабабеков, 1990 – Бабабеков Х.Н. Народные движения в Кокандском ханстве и их социально-экономические и политические предпосылки (XVIII-XIX вв.). Ташкент, 1990. 117 с.
- Иванов, 1939 – Иванов П.П. Казахи и Кокандское ханство (к истории их взаимоотношений в начале XIX в.) // *Записки института востоковедения Академии Наук СССР*. М., 1939. Т.VII. С. 93-128.
- Кененсариев, 1997 – Кененсариев Т. Кокон хандыгындагы этносаысий кырдаалга карата // *Кыргызстан – наше отечество*. Бишкек: Мурас, 1997.
- Кун, 1876a – Кун А.Л. Некоторые сведения о Ферганской долине // *Военный сборник*. 1876. №4, апрель. С. 417-448.
- Кун, 1876b – Кун А.Л. Чтение А.Л. Куна о Ферганской долине // *Туркестанские ведомости*. 1876. №12, 23 марта.
- Кун, 1880 – Кун А.Л. Материалы по истории русских владений в Средней Азии. Вып. 1. Кокандское ханство. СПб., 1880.
- Набиев, 1973 – Набиев Р.Н. Из истории Кокандского ханства (феодалное хозяйство Худояр-хана). Ташкент: Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1973. 385 с.

- Назаров, 1968 – Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. М., 1968. 77 с.
- Наливкин, 1886 – Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства. Казань: Тип. Императорского Университета, 1886. 215 с.
- Наливкин, 1897 – Наливкин В.П. Очерк благотворительности у оседлых туземцев Туркестанского края // *Справочная книжка Самаркандской области*. Вып. В. С. 206-223, 1897.
- НА РУз – Национальный архив Республики Узбекистан.
- Пантусов, 1876a – Пантусов Н.Н. Сборы и пошлины в бывшем Кокандском ханстве // *Туркестанские ведомости*. №17, 4 мая. 1876.
- Пантусов, 1876b – Пантусов Н.Н. О податях и повинностях, существовавших в бывшем Кокандском ханстве в последнее время правления Худояр-хана // *Туркестанские ведомости*. №16, 27 апреля. 1876.
- Пантусов, 1876с – Пантусов Н.Н. Податные сборы в г. Коканде // *Туркестанские ведомости*. №13, 30 марта. 1876.
- Плоских, 2015 – Плоских В.М. Киргизы и Кокандское ханство (3-е изд.). Бишкек, 2015. 512 с.
- Потанин, 1856 – Потанин Н.И. Записки о Кокандском ханстве хорунжего Потанина (12 августа 1829 – 24 мая 1830 гг.) // *Вестник РГО*. Ч.18. СПб., 1856. С. 254-289.
- Троицкая, 1968 – Троицкая А.Л. Каталог архива Кокандских ханов XIX века. М., 1968. 582 с.
- Усенбаев, 1961 – Усенбаев К.У. Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства (XIX век – до присоединения Киргизии к России). Фрунзе, 1961. 165 с.
- Федченко, 1873 – Федченко А.П. Путешествие в Туркестан. Т.1. Ч.II. В Кокандском ханстве. СПб., 1873. 160 с.
- Хасанов, 1977 – Хасанов А.Х. Народные движения в Киргизии в период Кокандского ханства. М., 1977. 93 с.
- Хорошихин, 1876 – Хорошихин А.П. Сборник статей, касающихся Туркестанского края. СПб., 1876.

References

- Alymbaev, 2015 – Alymbaev, J.B. (2015). Kokon khandygy jana Nüzüp mınbashy [Kokand Khanate and Nüzüp Mingbashi]. Bishkek: Turar. 240 p. [in Kyrgyz]
- Bababekov, 1990 – Bababekov, Kh.N. (1990). Narodnye dvizheniya v Kokandskom khanstve i ikh sotsial'no-ekonomicheskie i politicheskie predposylki (XVIII-XIX vv.). [Popular movements in the Kokand Khanate and their socio-economic and political prerequisites (18th-19th centuries)]. Tashkent, 117 p. [in Russian]
- Fedchenko, 1873 – Fedchenko, A.P. (1873). Puteshestvie v Turkestan. T.1. Ch.II. V Kokandskom khanstve [Journey to Turkestan. Volume 1, Part II: In the Kokand khanate]. SPb., 160 p. [in Russian]
- Ivanov, 1939 – Ivanov, P.P. (1939). Kazakhi i Kokandskoe khanstvo (k istorii ikh vzaimootnosheniy v nachale XIX v.) [Kazakh people and the Kokand khanate (on the history of their relations in the early 19th century)]. *Zapiski instituta vostokovedeniya Akademii Nauk SSSR*. M. T.VII. Pp. 93-128. [in Russian]
- Kenensariyev, 1997 – Kenensariyev, T. (1997). Kokon khandygyndagy etnosayasyi kyrdaalga karata [On the ethno-political situation in the Kokand khanate]. *Kyrgyzstan – nashe otechestvo*. Bishkek: Muras. [in Kyrgyz]
- Khasanov, 1977 – Khasanov, A.Kh. (1977). Narodnye dvizheniya v Kirgizii v period Kokandskogo khanstva [Popular movements in Kyrgyzstan during the Kokand khanate]. M., 93 p. [in Russian]
- Khoroshkhin, 1876 – Khoroshkhin, A.P. (1876). Sbornik statey, kasayushchikhsya Turkestanskogo kraya [Collection of articles concerning the Turkestan region]. SPb. [in Russian]
- Kun, 1876a – Kun, A.L. (1876). Nekotorye svedeniya o Ferganskoy doline [Some information about the Fergana valley]. *Voennyi sbornik*. №4, aprel'. Pp. 417-448. [in Russian]
- Kun, 1876b – Kun, A.L. (1876). Chtenie A.L. Kuna o Ferganskoy doline [Reading of A.L. Kun on the Fergana valley]. *Turkestanskije vedomosti*. №12, 23 marta. [in Russian]
- Kun, 1880 – Kun, A.L. (1880). Materialy po istorii russkikh vladeniy v Sredney Azii. [Materials on the history of Russian possessions in Central Asia]. Vyp. 1. Kokandskoe khanstvo. SPb. [in Russian]
- NA RUz – Natsional'nyy arkhiv Respubliki Uzbekistan [National Archives of the Republic of Uzbekistan].
- Nabiev, 1973 – Nabiev, R.N. (1973). Iz istorii Kokandskogo khanstva (feodal'noe khozyaistvo Khudoyar-khana). [From the history of the Kokand khanate (the feudal economy of Khudoyar khan)]. Izdatel'stvo «Fan» Uzbekskoy SSR Tashkent, 385 p. [in Russian]
- Nalivkin, 1886 – Nalivkin, V. (1886). Kratkaya istoriya Kokandskogo khanstva [A brief history of the Kokand khanate]. Kazan': Tip. Imperatorskogo Universiteta, 215 p. [in Russian]
- Nalivkin, 1897 – Nalivkin, V.P. (1897). Ocherk blagotvoritel'nosti u osedlykh tuzemtsev Turkestanskogo kraya [Essay on charity among the settled natives of the Turkestan region]. *Spravochnaya knizhka Samarkandskoy oblasti*. Vyp. V. Pp. 206-223. [in Russian]
- Nazarov, 1968 – Nazarov, F. (1968). Zapiski o nekotorykh narodakh i zemlyakh sredney chasti Azii. [Notes on some Peoples and lands of the central part of Asia]. M. 77 p. [in Russian]

Pantusov, 1876a – *Pantusov, N.N.* (1876). Sbory i poshliny v byvshem Kokandskom khanstve [Taxes and duties in the former Kokand khanate]. *Turkestanskije vedomosti*. 17, 4 maya. [in Russian]

Pantusov, 1876b – *Pantusov, N.N.* (1876). O podat'yakh i povinnost'yakh, sushchestvovavshikh v byvshem Kokandskom khanstve v poslednee vremya pravleniya Khudoyar-khana [On taxes and duties in the former Kokand khanate during the last years of Khudoyar khan's rule]. *Turkestanskije vedomosti*. №16, 27 aprelya. [in Russian]

Pantusov, 1876c – *Pantusov, N.N.* (1876). Podatnye sbory v g. Kokande [Tax fees in Kokand]. *Turkestanskije vedomosti*. №13, 30 marta. [in Russian]

Ploskikh, 2015 – *Ploskikh, V.M.* (2015). Kirgizy i Kokandskoe khanstvo (3-e izd.) [Kyrgyz people and the Kokand khanate (3rd edition)]. Bishkek, 512 p. [in Russian]

Potanin, 1856 – *Potanin, N.I.* (1856). Zapiski o Kokandskom khanstve khorunzhego Potanina (1830 gody) [Notes on the Kokand khanate by Cornet Potanin (1830s)]. *Vestnik RGO*. Ch. 18. SPb. Pp. 254-289. [in Russian]

Troitskaya, 1968 – *Troitskaya, A.L.* (1968). Katalog arkhiva Kokandskikh khanov XIX veka [Catalog of the archive of Kokand khans of the 19th century]. M., 582 p. [in Russian]

Usenbaev, 1961 – *Usenbaev, K.U.* (1961). Obshchestvenno-ekonomicheskie otnosheniya kirgizov v period gospodstva Kokandskogo khanstva (XIX vek – do prisoyedineniya Kirgizii k Rossii) [Socio-economic relations of the Kyrgyz People during the rule of the Kokand khanate (19th century – before the annexation of Kyrgyzstan to Russia)]. Frunze, 165 p. [in Russian]

Налоговая политика в Кокандском ханстве (вторая половина XIX века)

Фарида Турганбаевна Баитова ^{a, *}, Жээнбек Байыскулович Алымбаев ^b,
Элида Анарбековна Толобаева ^c

^a Кыргызская государственная академия физической культуры и спорта им. Б.Т. Турусбекова, Бишкек, Кыргызская Республика

^b Кыргызско-Турецкий университет Манас, Бишкек, Кыргызская Республика

^c Кыргызский Национальный университет им. Ж. Баласагына, Бишкек, Кыргызская Республика

Аннотация. Данная статья посвящена анализу налоговой политики Кокандского ханства во второй половине XIX века – в период, ознаменованный внутренней нестабильностью и усилением феодальной раздробленности. В центре внимания находятся особенности налогового обложения, механизмы сбора налогов и их влияние на социально-экономическое положение населения ханства. Налоговая система ханства включала как исламские налоги (ушр – десятина с урожая, закят – налог на имущество), так и светские сборы, включая подати, чрезвычайные повинности, налоги с ремесленников и торговцев. Значительная часть налогов взималась в натуральной форме. При этом централизованная финансовая система была слабо развита, а ключевая роль в сборе налогов принадлежала местным администраторам – беям и наместникам, что способствовало коррупции и произволу. Повышение налогового давления, вызванное постоянными военными походами, содержанием ханской армии и стремлением усилить контроль над регионами, приводило к росту социальной напряжённости, бегству крестьян и упадку производственных отношений. На основе анализа архивных документов, исторических хроник и воспоминаний современников в статье раскрываются причины кризиса налоговой системы и её роль в ослаблении государственности Кокандского ханства. Отдельное внимание уделено положительной роли Российской империи, чьё вмешательство способствовало упорядочиванию налогового администрирования, снижению произвола на местах и постепенному переходу к более рациональным и устойчивым формам управления. Работа способствует более глубокому пониманию социально-экономических процессов в Центральной Азии в преддверии её интеграции в состав Российской империи.

В настоящей статье основной задачей является рассмотрение структуры налоговой системы Кокандского ханства во второй половине XIX века, выявление её особенностей, динамики изменений, а также влияния налоговой политики на развитие общества и экономики. Также основным методом исследования стал сравнительно-исторический, позволяющий обобщить упоминаемые в различных источниках материалы, содержащие сведения о налоговой политике в Кокандском ханстве.

Ключевые слова: Кокандское ханство, налоговая политика, налогообложение, ушр, закят, подати, фискальная система, Центральная Азия, Российская империя, административное управление.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: baitova_farida@mail.ru (Ф.Т. Баитова),
jeenbek.alymbaev@manas.edu.kg (Ж.Б. Алымбаев), tolobaeva_elida@mail.ru (Э.А. Толобаева)